

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная
ЕВРОПА

4

ОКТЯБРЬ · 2008 · ДЕКАБРЬ

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная
ЕВРОПА

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

№ 4 (36) ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 2008 г.

**ШЕФ-РЕДАКТОР
Н.П.ШМЕЛЁВ**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

БАР ЭГОН (Германия), ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция), НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия),
НИВА ЖОРЖ (Швейцария), ОСИПЬЯН Ю.А. (Россия), РОГОВ С.М. (Россия),
СИМОНИЯ Н.А. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия), ЭМЕРСОН МАЙКЛ (Великобритания)

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В.И. МИРОНЕНКО**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ВОЛОДИН Л.Н., ГЛИНКИНА С.П., ГРОМЫКО Ал.А., ГУТНИК В.П.,
ДАНИЛОВ Д.А., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗОЛОТАРЁВ П.С., ИВАНОВ И.Д.,
КАРАГАНОВ С.А., КРАСИКОВ А.А., КУДРОВ В.М., МАСЛЕННИКОВ А.А.,
МОЛЧАНОВ Ю.Л., НОСОВ М.Г., РУБИНСКИЙ Ю.И., РЫКИН В.С.,
УТКИН А.И., ФЁДОРОВ В.П., ХЕСИН Е.С., ШЕНАЕВ В.Н., ШИШКОВ Ю.В.

МОСКВА

ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

Юрий ЗАПЕСОЦКИЙ

ОКНО В ЕВРОПУ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Строительство Константиновского дворца как резиденции Президента РФ, программа празднования 300-летия Санкт-Петербурга, проведение саммита “восьмёрки” в 2006 году и ряд двусторонних встреч на высшем уровне в городе на Неве, Петербургский экономический форум, значение которого растёт... Что за всем этим стоит: случай, пристрастия руководства страны или объективные потребности внешней политики России, продиктованные современной геополитической ситуацией?

Санкт-Петербург, на наш взгляд, в качестве культурной и новой дипломатической столицы России может сыграть видную самостоятельную роль в формировании нового образа России и обретении ею достойного места в мировом сообществе. Известно, что после крушения Советского Союза наша страна до сих пор не завершила поиски своей идентичности. Решение этой проблемы имеет огромное внутреннее значение для государственного строительства. Её значение велико и для реализации внешнеполитических целей страны. За рубежом острота проблемы отечественной самоидентификации усугубляется стремлением наших политических оппонентов и конкурентов в экономической сфере создать негативный образ России: как нецивилизованной и непредсказуемой страны, не сбросившей бремя тоталитаризма.

Характерна в этом плане дискуссия, имевшая место 13 апреля 2007 года в российском культурном центре в Париже. Ряд французских участников, авторитетных и влиятельных общественных деятелей, говорили о том, что газеты “Монд” и “Фигаро” за последние 10 лет не напечатали о России ни одного

© Запесоцкий Юрий Александрович – старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, аспирант Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

доброго слова. Российские участники говорили в этой связи о целенаправленной антироссийской кампании в СМИ Западной Европы и США. Звучала мысль о необходимости адекватного ответа в виде субсидирования соответствующей кампании по пропаганде позитивного образа Отечества. В кулуарах “круглого стола” было высказано и мнение, что антироссийская кампания будет свёрнута по мере наращивания нашей экономической мощи и увеличения зависимости Запада от России в энергетической и иных областях.

Однако, к сожалению, достойное позиционирование страны на международной арене не решается только наращиванием экономической и военной мощи с последующим выделением в государственном бюджете строки “на пропаганду за рубежом”. Во-первых, соответствующие государственные и общественные институты должны сами ясно представлять себе главные черты образа России, который им надлежит продвигать и поддерживать. Во-вторых, этот образ должен овладеть умами элиты, а затем и рядовых граждан страны. В-третьих, должен быть задействован современный инструментарий формирования мирового общественного мнения, адекватный существующей проблеме.

Говоря об инструментарии, следует отметить, что России предстоит не столько создать свой образ “с нуля”, как бы на пустом месте, сколько изменить существующий образ. Из теории рекламы и общественных связей хорошо известно, что это две совершенно разные задачи. Выражаясь в духе этой теории, России не надо создавать новый “бренд”, а необходимо произвести “ ребрэндинг”.

Трудности обусловлены отчасти тем, что на данном этапе развития Россия претерпевает значительные изменения. Её приоритеты размыты, и образ России в целом пока что нечёток даже в сознании её политической и интеллектуальной элиты. И это при том, что образ страны – важная точка опоры в её развитии, требующая особого внимания в период национального возрождения.

Образы будущего страны формируются или реформируются первоначально в сознании отдельных людей, которые затем привносят его в общественное сознание стран, к которым они принадлежат. Далее эти идеи должны обрести устойчивость. Проблема реформирования образа у нас плохо изучена. Можно лишь с определённой долей уверенности предположить, что в создании нового образа существенную роль могут играть меньшие по масштабам элементы символического характера – вспомогательные образы и идеи. Правильный выбор и опора на них в реформировании целостного образа должны привести как бы к “прорастанию” нового образа сквозь отмирающие черты старого. Такие вспомогательные образы, как “Толстой” и “Достоевский”, “Большой” и “Мариинка”, при их правильном и систематическом использовании теоретически могут составить основу для формирования нового образа России. Думается, однако, что этим перечень компонентов не исчерпывается.

Представления России о себе самой и представления о ней мирового сообщества в значительной мере зависят и от образов её двух крупнейших мега-

полисов, других культурных центров, привлекающих наибольшее количество иностранцев и жителей России. Уместно вспомнить, что ещё правители древней Римской империи сознательно выстраивали и культивировали образ Рима, потрясающий воображение варваров и соответствовавший доминирующей роли Римской империи в современном ей мире. Образ столицы или иного крупного мегаполиса по отношению к образу страны является одним из ключевых вспомогательных образов.

Не случайно за последние 300 лет задача изменения образа и стратегии развития нашей страны уже дважды решалась её руководством с использованием переноса столицы. В первом случае под реконструируемый престол и новые задачи государственной власти специально создавался новый город, а во втором – преобразовывался древний город, ранее уже бывший столицей. Пётр I при создании Петербурга стремился не только “прорубить окно в Европу”, но и открывал дверь в Россию для Европы. Он считал, что иностранцам того времени вести дела в Москве с её сложившимся укладом жизни и менталитетом – дело практически невозможное. Ему была необходима столица, значительно более похожая на европейские города¹.

Многие западноевропейские путешественники, посещавшие Россию в XVI–XVII веках, воспринимали её как нечто совершенно чуждое Европе, всячески подчёркивали, а порой и преувеличивали в своих записках отличия русского государства от европейских стран. Прибалтийский немец Якоб Рейтенфельс, побывавший в Москве в 1670–1672 годах, писал о русских, что “цвет лица у них такой же, как у европейцев, благодаря холодному климату, исправившему первоначальный тёмный, азиатский”². Очевидно, что этот автор не был уверен в принадлежности русских людей к его расе.

Между тем существуют серьёзные основания полагать, что Русь и до Петра I была вполне европейской страной, только со своими особенностями и средневековыми пережитками. Пётр перевёл её не “из Азии в Европу”, а из Средневековья в Новое время³. Ускорению развития страны был придан вид европеизации, мобилизация движущих сил развития была выстроена по вектору “на Европу”⁴. “Одна из особенностей всех действий Петра состояла в

¹ См. подробнее: Запесоцкий Ю. А. Образ России как культурная доминанта Петровских реформ // Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачёва. – СПб.: Изд-во СПБГУП, 2007. С. 165–170.

² Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г./ пер. с лат. А. Станкевича. – М.: Тип. р. п. книг, аренд. В.И. Вороновым, 1906. – Гл. 7: О телосложении москов. – С. 140. – На обороте тит. л. указ. др. год изд. – 1905.

³ См.: Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачёва. СПб., 2007. Ч. II: Дмитрий Лихачёв и русская историческая мысль, разд. 2.1. Лихачёвская концепция отечественной истории /А. С. Запесоцкий. С. 148–149.

⁴ См. подробнее: Запесоцкий Ю. А. Петровские реформы как культурная доминанта (перечитывая Д. С. Лихачёва) // Новая и новейшая история. 2007. № 4. С. 67–74.

том, что он умел придавать демонстративный характер всему тому, что он делал. То, что ему бесспорно принадлежит, – это смена всей “знаковой системы” Древней Руси, – пишет Д.С. Лихачёв, – он сменил столицу, демонстративно перенеся её на Запад”¹.

Отец Петра I, царь Алексей Михайлович, по определению канадского историка Филиппа Лонгурта, разрывался “между византийской исключительностью и страстным желанием быть на равных с европейскими монархами”². Пётр I сделал решительный выбор и настойчиво действовал в избранном направлении. Интересно, что в тот период государю пришлось использовать для создания нового образа большой массив чужеродных символов (название новой столицы, перевернутый флаг иной державы, иноземные одежды, продукты питания, ритуалы и т. д.). Сегодня у России есть возможность из огромного исторического пласта отечественной культуры выбрать и вызвать к жизни нужные символы, как это случилось, к примеру, с реставрацией Константиновского дворца. Однако и в то время, и сегодня формирование нового образа опирается не только на некие потребности политической конъюнктуры, но и на глубинные основания, содержащиеся в культуре страны. В этом состоит одна из важных предпосылок успеха.

В советское время перенос столицы в Москву и последующие перемены общекультурного облика древнего русского города так же, как и при Петре, способствовали последующему изменению представления о государстве. Советский Союз уже не стремился позиционировать себя частью Европы. Европа была для этого как минимум недостаточно велика и значительна. Москва становилась столицей державы, равновеликой всему Западу. А это – уже совершенно иной образ.

Сможет ли Санкт-Петербург и теперь сыграть свою роль в изменении образа России и какой может быть эта роль? Как она может соотноситься с ролью Москвы? Для ответа на эти вопросы нужно в первую очередь оценить ситуацию с различными попытками позиционирования Петербурга, имевшими место как в минувшие времена, так и в современный, постсоветский период.

Итак, в XVIII и XIX веках Петербург – это имперская столица с ярко выраженными европейскими культурными корнями. Столица европейской державы, распространяющей своё влияние на Кавказ, за Урал, в Среднюю Азию и в Америку так же, как это делали Англия, Франция, Испания, другие европейские державы. В советский период Москва – столица мирового коммунизма, а Ленинград – родина трёх революций, колыбель революционного пролетариата, город имени вождя мировой революции. За рубежом Ленинград позиционировался “интуристам” ещё и как “город белых ночей” и “Северная Венеция”.

¹ Лихачёв Д.С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачёв Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 165.

² Longworth P. Alexis, Tsar of All the Russias. London, 1984. P. 117.

С тех пор коммунистические лозунги были отброшены, но остальные используются до настоящего времени. Санкт-Петербург отметил своё 300-летие пять лет назад. Освещение данной темы международными СМИ дало свои результаты. По данным американского учёного Филиппа Котлера и его коллег, 26% европейцев были осведомлены о предстоящем событии¹. Однако ничего более основательного в позиционировании города, кроме темы белых ночей и сходства с Венецией, жителям Европы не было предложено. Хотя город имеет собственную историю, уникальный архитектурно-ландшафтный облик, менталитет жителей и т. п., которые не сводятся к его географическим особенностям.

Основные черты Петербурга, нуждающиеся в утверждении в глазах российской и мировой общественности, до сих пор сформулированы недостаточно чётко и конкретно. Понятно, что современный Петербург не может позиционировать себя как “имперская столица” или “город трёх революций”. И столицей России он также не является. “Городами белых ночей” можно назвать Выборг, Мурманск, Петрозаводск, Архангельск, Хельсинки, Стокгольм и др. И “вторая Венеция” мало кому интересна, поскольку существует первая. Кроме того, в Европе сегодня не менее пяти городов позиционируют себя как “Северная Венеция”. Самое же главное – акцент на географических особенностях Петербурга не вносит сколь-нибудь существенного вклада в формирование достойного и конкурентоспособного международного образа России.

Город не может обрести свою идентичность и устойчивый образ, если в сознании его жителей он имеет одни черты, а вне Петербурга транслируются совершенно другие. Здесь стоит отметить, что жители Петербурга по большей части очень любят свой город, гордятся своей к нему принадлежностью. В этом содержится одна из предпосылок обретения Петербургом нового привлекательного и устойчивого образа.

Итак, прежде чем формулировать позиционирование Петербурга, требуется осуществить самопознание и определить философию города, вычленить особенности и приоритеты его жителей. При разработке нового позиционирования города необходимо большое внимание уделять его истории. Чрезвычайно важно, чтобы будущий образ не противоречил, а продолжал и дополнял то, что представлял собой город ранее. Петербург задумывался как связующее звено между европейскими странами и Россией. Петербург стал, бесспорно, самым европейским городом России не только по географическому расположению, но и по культурно-историческому облику (известный петербургский философ и культуролог М.С. Каган говорил по этому поводу, что “если Петербург – это ворота в Европу, то Москва – ворота в Америку”).

Петербург – это бывшая столица. С переводом столицы в Москву город перестал быть административным и финансовым центром страны, но продол-

¹ Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер [и др.]. – СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005.

жал нести культурную, образовательную и научную функции. А если учесть те сферы, которые исторически остались закреплены за городом, в которых он не утратил первенство, то получается – культурная столица. Концепция “культурной столицы” является одной из основных для стратегического продвижения города.

Но стоит ли рассматривать Петербург только с точки зрения возможностей функционирования культурного центра? Может быть, перспективнее было бы сделать упор на развитии промышленности или подумать о переориентации Петербурга в крупнейший деловой центр, раз город так выгодно расположен? Теоретически такие направления в качестве стратегических были возможны, но возможности были упущены в начале 1990-х годов из-за ошибок городского руководства. Да и ситуация в целом для этого была неблагоприятна. В итоге оказалось, что если Петербург начнёт претендовать на функции общероссийского делового центра, то позиционироваться ему придётся как “Москва № 2”, так как обогнать лидера деловой активности в ближайшей перспективе не удастся. Да и незачем, если у Петербурга уже есть своя, иная индивидуальность.

Вот почему значительно более выигрышными в общероссийском и мировом контексте представляются такие черты Петербурга, как особая, укоренённая в его истории с момента создания концентрация науки, образования, культуры. Следует заметить, что первым наиболее активно, чётко и целенаправленно в постсоветский период эту идею сформулировал Анатолий Собчак¹.

В начале и середине 1990-х годов XX века, в обстановке царившего в России идейного хаоса, констатация “особости” мегаполиса, его специфики и отличия от остальной части страны причудливо соединилась с отголосками мысли об отделении Ленинграда от СССР, приписывавшейся в сталинские времена партийной верхушке города. Так появились лозунг создания в городе на Неве свободной экономической зоны и даже предложения об отделении города от страны. Подобные концепции дискутировались городской общественностью все 1990-е годы². В современных условиях данное направление размышлений следует признать тупиковым вариантом.

Между тем в конце 1990-х годов констатация особого культурного, научного и образовательного потенциала мегаполиса, весьма удачно и ярко (с точки зрения позиционирования Петербурга) воплощённая в формулу “культурной столицы России”, оказалась в центре общественного внимания. Затем данная идея была отчасти дискредитирована в результате появления в СМИ целого ряда негативных образов. На город навешивались ярлыки: “бандитский

¹ Собчак А. Мы начинали реформы, не рассчитывая на аплодисменты / беседу вёл М. Николаев // Российская газета. 1996. 22 мая.; Собчак А. Из Ленинграда в Петербург: путешествие во времени и пространстве. СПб.: Контрфорс, 1999. Гл. 7. Петербург накануне XXI века: между прошлым и будущим. С. 200–211.

² См.: Коюбинский Д. А. Новейшая история одного города: очерки полит. истории Санкт-Петербурга, 1989 – 2000. М.: Лимбус Пресс, 2004. 196 с.

Петербург”, “криминальная столица России”. И всё же, как показало время, потенциал образа “культурной столицы” имеет для Петербурга стратегическое значение. Видимо, в силу его удивительно точного соответствия духу мегаполиса и его роли в стране.

Ряд упомянутых в начале статьи событий, совершенно очевидно имеющих имиджевый характер и подчёркивающих образ Санкт-Петербурга как одной из уникальных мировых культурных столиц, выглядит как хорошо обоснованная и последовательно реализуемая государственная политика. Уже из самой программы визита глав государств в мае 2003 года было очевидно, что Президент России, демонстрируя воплощённые в Петербурге достижения мировой культуры, разрушает в сознании влиятельнейших людей планеты, мировой элиты создаваемый и настойчиво культивируемый западными СМИ образ дикой, нецивилизованной, непредсказуемой страны, с которой нельзя вести дела. В этом смысле Владимир Путин, безусловно, продолжил петровскую традицию, предложив стране и миру её современную интерпретацию.

Тем не менее, несомненно, что ярких, но редких событий недостаточно для формирования обновлённого образа города. Петербургу требуется не только чёткое позиционирование, но и отлаженная стратегия трансляции образа в разные аудитории. И здесь выявляется ряд новых серьёзных проблем.

Не имея определённой концепции позиционирования, Петербург за последние десятилетия претерпел значительные стихийные трансформации. В худшую сторону изменилась городская культурная среда мегаполиса. Ни для кого не секрет, что в советские времена город обладал особой культурой, которая проявлялась во внешнем виде, поведении и языке ленинградцев. В сознании современных петербуржцев исконные городские ценности занимают всё меньше места, отдавая лидерство общероссийским, пропагандируемым по федеральным телевизионным каналам. Последние же насаждают исключительно низкопробную массовую культуру. Пропадает привлекательная индивидуальность петербуржцев (а значит, и города), которая могла бы служить частью хорошей основы позиционирования.

В историческом центре Петербурга реализуются проекты строительства многоэтажных зданий жилых домов и деловых центров, которые разрушают его визуальный облик, создают культурный диссонанс со стилями петербургскими архитектурными доминантами, такими как Адмиралтейство, Петропавловская крепость, Исаакиевский собор. А ведь визуальные символы – важнейшие элементы образа города. Люди во всем мире узнают Лондон по Биг Бену, Париж по Эйфелевой башне, Рим по Колизею. Кроме этого, для иностранцев сложность представляет и то, что город трижды был переименован. Если название Петроград иностранцам вообще мало о чём говорит, то Ленинград и Петербург многие считают двумя разными городами. Этот круг проблем представляется весьма неполным. Однако очевидно, что уже их решение потребует привлечения весьма значительных ресурсов.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что противопоставление Петербурга Москве, своего рода конкуренция образов этих двух мегаполисов в общественном мнении страны не вредят построению целостного образа России. Напротив, разные образы административной и культурной столиц взаимно дополняют друг друга, создавая общее впечатление культурного разнообразия и богатства. Так же, как, к примеру, Токио и Киото в Японии, Торонто и Монреаль в Канаде, Мадрид и Барселона в Испании, Нью-Йорк и Вашингтон в США.

Как роль Петербурга в качестве культурной столицы может повлиять на дипломатическую жизнь России? Вряд ли город на Неве сможет когда-либо претендовать на исполнение функций дипломатической столицы в полном смысле слова. Для этого в Петербург пришлось бы перевести отечественный МИД. Даже перенесение куда более скромного по масштабам Конституционного суда РФ столкнулось с огромными трудностями. А вот принять на себя роль представительского центра российской власти, своего рода “всемирной комнаты переговоров” при наличии Константиновского дворца Петербургу вполне по силам. И эта роль ему более чем подходит, исходя из сути современной внешней политики России – державы, которая не бравирует своими сырьевыми запасами, военной и тем более ядерной мощью, но позиционирует себя как страна великой истории и великой культуры.

Как отмечал академик Дмитрий Лихачёв: “Россия – великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта “великость” России не может вызывать враждебности к ней. Напротив, великкая культура примирительна по своей сути”¹.

* * *

В мире накоплен большой опыт формирования образов международного уровня и их обновления. Использование этого опыта в изменении образа Петербурга должно послужить на благо создания нового, современного образа России, привлекательного в глазах её граждан и мирового сообщества и соответствующего её культурно-исторической сущности. Безусловно, Санкт-Петербург является собой сегодня наилучший пример города великой русской культуры с европейским обликом и манерами.

¹ Лихачёв Д.С. Великая культура примирительна по своей сути // Д. С. Лихачёв. Университетские встречи. 16 текстов. СПб.: Изд-во СПБГУП, 2006. С. 50.